

БУЛЬ и УСАЛА

Моя лодка под названием кандидатская диссертация дала течь....

Научный руководитель, мудрый Борис Моисеевич, прослушав доклад на заседании кафедры, резюмировал спокойно и увесисто:

– Что-то, брат, у тебя не сходится. Выявленная тобой погребенная россыпь слабо связывается с поисковыми признаками. Не верно, однако, определен маршрут формирования золотой россыпи. Думаю надо еще раз посмотреть на реку и взять пробы в шурфах, пока шурфы не обвалились.

Было обидно.

Легко сказать – смотреться.

До россыпи тысяча верст на север в глухую тайгу, по норовистой реке, в мир дикого зверья и еще более оголтелой банды мошкары и комаров. Казалось, что вот сделаю доклад на последнем в июне заседании кафедры, за лето все поправлю, уютненько устроившись на даче у реки, а осенью выйду на защиту и наконец, донесу до цели этот «чемодан без ручки» – свою диссертацию, которая несколько отравляла жизнь, отнимая массу времени. Но старик, которого между собой звали, используя инициалы имени и отчества – Буль Мастифф или просто Буль, был иного мнения.

Булем профессора прозвали мы еще студентами за сходство как внешне: старик был грузен, если не сказать могуч; так и внутреннее: повадки профессора очень были близки к характеру популярной породы собак, из которых наиболее были заметны высочайшая скорость реагирования на раздражители и мертвая хватка, что необъяснимо сочеталось с некоторой медлительностью....

Вспомнился случай из нашей студенческой жизни. Были мы на учебной практике в урочище Пана-Ям, где исходили все склоны и знали наперечет все речушки, направляющиеся к Енисею со склонов Западного Саяна. И вот, в один из дней, случилось такое безобразие как массовое расстройство желудка практически у всех студентов, что грозило срывом практики, а в условиях не достаточной медицинской помощи было чревато большими проблемами.

Буль, будучи тогда только назначенным на должность заведующим кафедрой после работы в полевой геологии, получив телефонограмму о неприятном событии, сам прибыл на базу практики, прихватив университетского лекаря. Оглядев критически развернувшееся в урочище, как он сам выразился «Дристалище», определил и новое имя и самой базе практик, выразившись по профессорски витиевато, но вполне доходчиво, выговаривая ответственному за проведение практики заведующему лабораторией:

– Какой вы тут развернули «Бронетемкин Поносец! Сам Сережа Эйзенштейн наверное перевернулся в гробу! Позорище!

Мы смутились. Причем здесь режиссер Эйзенштейн, к геологии никакого отношения не имевший, осталось для нас полной загадкой.

Уже позже поинтересовавшись историей вопроса я узнал, что и на знаменитом броненосце «Потемкин» были проблемы питания команды.

Вволю наглумившись над уже изрядно истощенными студентами, прочитав лекцию о личной гигиене и о том, что тащить в рот все подряд не стоит, Буль сам принялся нас поить вонючей микстурой трижды в день, нежно придерживая каждого за шиворот. Перед едой сам неотлучно стоял у таза с раствором хлорки и следил, чтобы каждый студент тщательно ополаскивал руки противно пахнувшей водицей.

Так продолжалось три дня.

К исходу третьих суток работа желудков у всех практикантов полностью наладилась и, пользуясь случаем пребывания в лагере, Буль сам провел с нами несколько маршрутов увлеченно рассказывая об оползнях, сдвигах и надвигах, сбросах и разломах, прямо на месте показывая нам признаки названных геологических структур. Горную породу он именовал только ласкательными интонациями, а усевшись на камень, после основного маршрута долго нам говорил о том, что главное и величественнее профессии горного инженера-геолога нет в природе, ибо все, что мы сегодня имеем, добыто умом и молотком профессиональных проходимцев.

Для полноты образа Буля можно привести еще один анекдотический случай, который передавался из уст в уста ряда поколений студентов, имевших честь учиться наукам у старого профессора.

Буль не чужд был принять с устатку рюмку другую коньяка.

А когда в государство пришла такая беда как «сухой закон» и купить что-либо спиртосодержащее и в то же время достойное по качеству стало сложно, возникла некоторая потребность в исполнении устоявшейся за многие годы привычки.

Выходя неосознанно из зоны комфорта, всегда прилагаешь достаточные усилия для решения возникшей проблемы.

Буль возникшую проблему решал как всегда сверх оригинально. Обнаружив рядом с университетом кафе, где по пижонски подавали кофе с коньяком, он взял в привычку заходить в это кафе и покупать значительное число чашек кофе, для формирования достойной порции коньяка и просил подать коньяк отдельно от кофе. Вскоре служители в кафе привыкли к причудам профессора, и без лишних слов наливали ему рюмку хорошего армянского, грузинского или дагестанского.

– Знаешь, Станислав, тема твоя хороша и методики выверенные, а вот в выводах о прогнозе коренного месторождения где-то путаница вышла. Если сейчас ошибку эту не устранить, потом сложно будет узелок развязать, –

аргументировал Буль, мило улыбаясь, разглядывая меня нежным взглядом удава, который неспешно готовится тобой позавтракать.

Я было заершился.

– Зачем все это, Борис Моисеевич? Главные выводы и предложенные методы апробированы и подтверждены, а прогноз это уже второй вопрос. Может уже, закончим с диссертацией и начнем жить? – заскулил я, представляя эту поездку в забытый северный край, где все так сложно дается – и дорога, и снабжение, и отсутствие должной помощи.

– Смотри дальше, у тебя вся научная жизнь впереди. Эту тему ты будешь долго еще развивать. Думаю, материала и на докторскую хватит. А сейчас самое время по горячим следам все уточнить. А надо бы всего-то пробы дополнительные взять и еще раз провести уже более емкий анализ. Не ленись – на себя работаешь, – соорудил хитренькое лицо Буль и продолжил монолог, включив отеческие интонации.

– Лето проведешь в поле, на чистом воздухе. И на месте все еще посмотреть уже отстраненным взглядом, оперируя новыми данными, будет крайне полезно.

А какая там рыбалка! Помнишь, таймешкá какого подняли у стрелки! Всем отрядом тянули – умотал он нас тогда! Завидую тебе! – ласково «заглатывал» меня Буль, нежно похлопывая по плечу.

Я сник.

Спорить с Борисом Моисеевичем, который еще и заведующий кафедрой, на которой я работал со студентами, было сложно. Да и прав он был. Какая-то червоточина в анализах была. Очень хотелось все уточнить, так красиво могло все сложиться и с хорошей перспективой золотиносного прогноза.

– Ладно» – еще не веря в реальность предстоящей поездки, выдавил я.

– Вот и славно! Вот и молодец! – поспешил закрепить успех Буль, тайно вынашивая план закончить в этом году свою монографию о золотиносных перспективах далекого эвенкийского района, который он по молодости исходил вдоль и поперек, удивляясь геологическому разнообразию и богатству региона. И вот, еще, оказалось, есть чему удивиться. Удалось его аспиранту выявить редкую закономерность и новые поисковые признаки, но для уверенности нужны еще пробы и новый анализ. Этот материал мог очень сильно повысить уровень научной книги.

– В общем, – так, – уже сухо, по-деловому, продолжал душить меня Буль.

– Я там уже поговорил с местными. Обещали помочь. Много не дадут, но лодку со снаряжением и сопровождающего – местного охотника, выделяют. Тебе нужно добраться до места от поселка по реке и там обойти за пару недель пробитые в прошлом году шурфы и взять пробы на комплексный анализ. Делов-то! А вернешься – сразу отдадим пробы в лабораторию, и к осени будут у нас новые данные. Все обработаешь сам, проверишь и осенью,

сразу после отпуска тебя послушаем и сразу на защиту! Добро? – закончил Буль, с довольным видом хорошо позавтракавшего змея.

Вернувшись домой, я огорошил новостью жену, которой придется этот отпуск провести с ребенком без меня и стал уже думать о том, что с собой необходимо взять в дорогу. Эта задача всегда не проста, несмотря на частые поездки на полевые работы. Но опыт показывал – как не планируй, всегда что-то остается неучтенным или забытым.

.... Через неделю, я уже пружинисто вышагивал по местному аэродрому эвенкийского края, на территории которого находилась моя золотиносная «провинция». Долетели без приключений на винтокрылой машине золоторудной компании, и теперь предстояло решать, как двигаться дальше до места, до которого было еще более пятидесяти километров тяжелого таежного пути.

Меня встречали – Буль серьезно подготовил мою поездку. И не мудрено. Его в этих краях знали хорошо. Шутка ли, – с молодости, с университета, уроженец Львова, он работал в этих краях штатным геологом. Сказывают, однажды блудили по тайге с отрядом с апреля по октябрь. Ни связи, ни весточки. Все уже думали – что-то случилось страшное с геологами в тайге. Но Борис Моисеевич вывел заплутавших геологов из тайги, а на истеричные крики начальника экспедиции, спокойно положил на стол карту с новым месторождением редкостного металла, открытого за этот сезон. В результате все оказались довольны. Начальник экспедиции орден получил, а Буль как молодой первооткрыватель месторождения оказался в списке только девятым, но зато без выговора.

На вопросы: «А как там было в этом затянувшемся маршруте?», Буль, деланно задумавшись, отвечал: –

Штаны падали.....

– От голода? Так похудели? – обычно дивились слушатели, выражая безмерное сочувствие умильным выражением лиц.

– Нет, с голодом все было в порядке. Изодрали одежонку в тайге до крайности. Под конец уже срамота на свет стала проглядывать, – отвечал, хитровато щурясь, опытный геолог.

И то правда – одежда в тайге просто «горит» на геологах – тут тебе и кусты и сучья, камни, переправы через реки, осыпи и курумник в горах, огонь костров и летящие искры – бывший хоть раз в тайге знает как непросто с экипировкой.

И вот я снова здесь.

Жиденюха улочка тянулась вдоль реки, спокойной в своем местном русле. На берегу размещалась база геологического отряда – все, что осталось от прежде крупной геологической экспедиции. На пороге встречал начальник отряда, наш бывший студент, расторопный Саша Неверов.

– Привет! – шагнул ко мне Саша, топорща смешную свою бороденку и протягивая руку для приветствия.

– Нам звонили, но знаешь людей свободных нет, а там на участке у нас работ нынче не запланировано. Мне в местном сельсовете подсказали, что может тебя сопроводить местный охотник. Зовут его Усала, он коренной эвенк. Он, знаешь, немного странный. Шаманит, травку покуривает, живет в основном в лесу, но охотник от бога – вырос в лесу, вся семья испокон веку только охотой и жила. Он как раз в эти места собирался подготовить к сезону зимовье, ловушки, капканы. Это знаешь, хороший вариант. У него и лодка подходящая для прохождения порогов на реке. А лучше него пороги никто из наших не знает.

– Ну, ладно, что делать? – буркнул я, представляя себя в обществе нелюдимого Усала.

– Только знаешь, у него недавно младшего брата убили. Он с тех пор стал немного не в себе как бы. Нестандартная история. Брат у него – был отличный стрелок. Белочку бил со ста шагов и только в глаз. А тут, после всех этих вестей из Чечни про беспредел в Грозном, о наемниках и жестокостях боевиков, насмотревшись как совсем безусые призывники пытаются одолеть матерых мужиков-бандитов, – собрался молча, в милиции взял справку на оружие и уехал в Чечню.

Поеду, мог, – нужно помочь старшему брату. Старшим братом они называют нас всех, кто в городах живет и вообще за рекой. Русских и всех других».

Саша прервался, закурил и продолжил свою, крайне меня заинтересовавшую историю.

– Через полгода вернулся. Сказывали, да и сам я видел, – часы золотые ему подарил генерал и орден Красной Звезды вручил, – как у деда моего еще с войны. Говорят, покрошил он там в Чечне духов столько, что кладбище средних размеров заселить можно. А вернулся когда – говорит, устал душой, позвал его назад дух лесной. Вот такой народ, эти местные охотники.

– А убили то его как? – уже заинтригованный спросил я Сашу.

– Похоже, выследили его и в отместку за убитых в Чечне бандитов наказали. Побоялись видимо, что кто-то еще соберется из охотников помогать большому брату. Показательная, так сказать, казнь вышла. Кто такие, – никто толком и не видел – сразу попрятались. Сказывали, местные знали – чужие в тайге. Но они быстро, за сутки все сделали и сожгли его в баньке. Как было – никто не видел. Ночью заметили, – горит банька. Кинулись – потушили и только утром нашли собаку отравленную, а в баньке обнаружили тело. Кто такой – опознать нельзя, но по всему это брат Усала...

Терсу его звали.

– Кто-то выдал его. А так, как могли найти? – вставил реплику я.

– Вероятно так и было. Стукачей у нас всегда хватало. А за деньги теперь и отца родного сдадут не моргнув.

Усала твердит, что брат его среди духов мира проживает, и он с ним разговаривает. Говорит, сказал ему брат что с ним случилось и что не жалеет о том, – закончил рассказ Саша.

Я крепко задумался. История шокировала меня. События в Чечне больно отзывались и в моем сердце. Я был знаком с ребятами чеченцами. Знал их особый нрав. Одного из них даже считал приятелем. Я знал о непростой судьбе многих чеченских семей. Вот, например, у моего приятеля отец сидел в колонии и долго еще был в ссылке в Сибири без права вернуться в родные места. Обида по поводу событий депортации чеченцев порой чувствовалась в нашем, в общем-то, добром общении. А теперь, думал я, возможно и чеченец Игорь – мой приятель, у которого, кстати, мама русская, целится из автомата в какого-нибудь Ванюшку из под Смоленска.

Я не стал откладывать знакомство со своим помощником Усала и направился к его дому, что стоял на окраине селения. Подходя к дому, почувствовал сзади чье-то присутствие и, оглянувшись, увидел пеструю собаку лайку с хвостом-калачом, которая беззвучно бежала сзади, контролируя пришельца. Пес смотрел умными серыми глазами, и было понятно, – угрозы нет, но шалить тебе не позволят.

На порожке дома сидел и пристально смотрел на меня маленький сухого тела человек в брезентовой куртке, кожаных потертых штанах и легких сапожках. Круглое добродушное лицо его возраста не выдавало – ему можно было дать сорок, а можно и все семьдесят лет. Наиболее яркими были черные точки глаз, внимательно смотревшие из-под бровей. На лице была редкая бороденка и едва заметные усы. На голове охотника одета небольшая выцветшая шерстяная шапочка в форме тибетейки. Вся одежда выглядела сильно поношенной, но хорошо и ровно прилажена, а местами на одежде были видны заштопанные суровой ниткой разрывы. В руках Усала держал курительную трубку, изготовленную из рога. Трубка слегка дымилась, а горящий табачок немного искрил и потрескивал, распространяя едва уловимый аромат.

– Добрый день! Вы Усала? – задал я вопрос для начала нашего разговора.

– Да, а ты геолог из города? За помощью пришел? – спросил Усала и не ожидая ответа продолжил:

– Вчера еще хотел уйти по реке, но попросили тебя взять на стрелку, вот сию, жду.

– Спасибо, Усала. Мне очень нужно на стрелку, а потом, – назад. Поможешь?

– Завтра с утра и пойдем. А пока давай чай попьем. Я тебя ждал, уже и чай заварил» – хитренько прищурившись, Усала встал и слегка косолапя, повел меня в дом к столу и задымленной печи. Чай был заварен в медной большой и темной от копоти кружке.

За столом, разлили чай по чашкам, заговорили о поездке. Чай был сделан из травяного сбора, горчил, но был приятным на вкус. Усала

попыхивая трубкой, отхлебывал чай и, посапывая, молча глядел, то на меня, то в открытую настежь дверь и на лайку вытянувшуюся у порога.

Меня подмывало спросить охотника о его брате, о том, что произошло с ним.

Усала, посмотрел на меня с укоризной, как мне показалось, и рассказал историю брата.

– Терсу поехал на войну тогда, когда узнал, что туда приехали и воюют против солдат чужие из других стран. Плохо воют – зло, жестоко. Когда два брата дерутся, как бы это ни было худо, чужим в этой драке места нет. А солдаты-призывники – они же совсем ничего не умеют на войне, дети еще совсем. И он поехал помочь старшему брату. А на войне он не убивал обычных чеченцев, а только чужих и самых озлобленных. Их там тогда очень много собралось. Очень злые. А брат он умеет превращаться в камень, в дерево, он может так спрятаться, никто его не найдет.

– А как же он попал им в руки уже здесь – дома? – вырвался вопрос у меня.

– Он сам так решил. Устал он сильно от убитых им людей. Убитые они возвращаются и отнимают жизнь. Когда они пришли, он вышел к ним. Но они испугались, и он сам пошел в баню. Они его там заперли, подожгли баню и убежали – так они его боялись. Он теперь там» – Усала показал пальцем вверх.

– Ему там хорошо. Мы с ним говорим обо всем. Вот вчера он мне рассказал, что приедешь ты. Он просил меня тебе помочь и рассказать про россыпь, – продолжил Усала.

Я встрепнулся:

– Откуда про россыпь знаешь?

– Теперь знаю. Ищите золото, да не там, где оно спрятано. Я точно не знаю, но знаю, что не там ищите. Так брат сказал.

Я отправился ночевать к Саше, мы долго говорили о золотой россыпи, которая всколыхнет здешние места, когда сюда придут большие деньги. О Усала и его брате мы не говорили, но я все думал о них и многого понять просто не мог – эти люди жили в каком-то ином измерении, мерой которому была уникальная восприимчивость к вибрациям природы, высочайшая космическая чувствительность и ответственность перед малозначимыми, как нам казалось, вещами.

Утром, чуть рассвело, мы с Усала и его верной лайкой отплыли из поселка вниз по течению реки. Смоленая узкая и длинная лодка скользила беззвучно по воде. Лайка бодро занимала носовую часть, оглядывала выплывающие из-за поворотов реки плесы, берега, скалы и рвущуюся вверх зелень тайги. Усала сидел на корме у неработающего и поднятого теперь мотора и правил лодку длинным веслом. Я, опираясь на борт лодки, оглядывал окрестности и размышлял о предстоящей работе.

Плавное течение реки сменилось быстриной. Лодка ловко лавировала между огромных камней, срываясь с кручи порога вместе со стремниной.

При преодолении порогов река ревела, обдавая лодку и людей холодным душем брызг. Собака легла на дно лодки, где стойко переносила качку и брызги. Я помогал править лодкой сидя на носу.

После порога река успокаивалась, и можно было разговаривать, но путники молчали, каждый занятый своими мыслями.

Беззвучный сплав по реке позволял наблюдать жизнь обитателей тайги на берегах реки. То косуля, то олени были застигнуты на водопое.

Вдоль леса прошмыгнула лисица, воровато поглядывая на нас.

За поворотом реки открылся плёс с купающимся у берега медведем. Медведь был настолько беспечен и занят собой, что совершенно не обращал внимания на лодку. Усала приподнявшись, что-то зычно прокричал в сторону медведя. Тот встрепнулся и выскочил на берег, замер у кромки берега, поднявшись на задние лапы, внимательно и тревожно вглядываясь в проплывающую лодку.

– Что ты ему сказал? – спросил я Усала.

– Я ему сказал, что пусть будет осторожен. Пришли чужие люди в тайгу» – ответил серьезно охотник.

Так поворот за поворотом, от порога к порогу мы добрались до стрелки. Река здесь раздваивалась на два притока основного русла. Между двумя руслами у леса стояла охотничья изба, к которой мы и причалили. Пока Усала занимался поклажей, я успел сбегать до наступления ночи к ближайшим шурфам и с удовольствием отметил, что шурфы еще не осыпались окончательно и воротки на них вполне пригодны для спуска. Поэтому уже на утро я наметил взять пробы в ближайших шурфах.

Работа подвигалась быстро. За три дня мы с Усала обошли ближайшие шурфы, и я успешно взял пробы песка со дна каждого из них. Оставался один шурф, который был пробит в отдалении под самым склоном хребта у заболоченной речушки. Шурф пробили на возвышении, и вода собралась только на самом дне выработки, что не могло помешать взять пробу. Но до этого шурфа было достаточно далеко, и я отложил работу в нем до следующего утра, вернувшись к домику на стрелке в сопровождении лайки.

Усала, покинувший меня несколько раньше, уже готовил ужин. Я объявил охотнику, что завтра видимо закончим и можно будет порыбачить наконец вволю и отправляться назад в поселок.

Усала молча кивнул, попыхивая трубочкой, которая светила ярким угольком, подсвечивая контуры лица охотника.

Смеркалось, и навалилась сразу непроглядная ночь. Я спал безмятежным сном человека, который выполнил сложную работу и не испытывал больше ни сомнений, ни каких-либо угрызений вьедливой совести.

Утром с первыми лучами солнца уже хотелось вскочить и побежать по росе к реке, – так ярко и азартно начинался день.

Я сбегал к реке и, набравшись духа, нырнул в ледяную тугую струю воды, отчаянно гребя против течения. Вся моя мощь гребца в борьбе со

стремниной позволила продвинуться не более чем на пяток метров – река летела со скоростью поезда.

Свежий и бодрый, утираясь на ходу полотенцем, я пришел к домику.

Усала сидел на пороге избушки и покуривал свою трубку – казалось, он и вовсе не ложился.

– Тебе не нужно ходить к дальнему шурфу? – попыхивая трубкой, сказал Усала.

– Там тебя ждет беда. Дождись меня, вместе сходим. Я схожу на кордон, где прикармливаю соболей, а потом и сходим? – продолжил Усала и пригласил позавтракать ухой из наловленных им с утра хариусов.

Позавтракали.

Усала взялся готовить поклажу для поездки на кордон.

Я, удобно устроившись в тени домика, чертил схему расположения шурфов и строил варианты прогноза выноса россыпи, размышляя о том, где же ошибка, и почему не сходится анализ проб и выстроенный нами прогноз коренного месторождения, которое по всему должно быть в направлении русла одного из рукавов реки.

Усала не спешил, хотя вчера говорил о раннем своем отплытии на кордон, – его как будто что-то сдерживало, не давало уехать. Покрутившись у лодки, он подошел ко мне и присел рядом на корточки. Поглядывая на мою схему и как всегда потягивая трубочку, на этот раз, погасшую, Усала показал на ближайший к нам склон горного массива и изрек фразу, которая, показалось, перевернула подо мной твердь земли.

– Там раньше текла река, – несколько напряженно выдавил он из себя.

– Как там? Там скалы, коренник. Там не могло быть русла реки! – воскликнул я, уже привыкнув к тому, что к словам Усала всегда стоит относиться с вниманием.

– Землетрясение сильное было давно. Гора и сползла в русло. Видел там за этой горой озеро? Вот что и осталось от реки. А река поменяла русло – обогнула гору и вышла через ущелье здесь, – Усала уверенно показал на русло правого речного потока.

У меня перехватило дыхание.

– Значит коренное месторождение где-то там? Под этой грядой, которая сползла в результате землетрясения и накрыла истинно коренные выходы золотоносных пород? Вот это да! Это очень красивая легенда, – выдохнул я, уже сходу понимая, что все ранее сделанные анализы показывают именно этот маршрут формирования россыпи.

Попив чаю и еще раз наказав мне, чтобы я без него не ходил к дальнему шурфу, Усала с лайкой отправились верх по течению реки, огласив тайгу гулом лодочного мотора.

Я не находил покоя. Сказанное Усала меняло все представления, все доводы, которые мы копили последние несколько лет. Меня несло в моих новых фантазиях и зрело чувство, что вот он – реальный и верный ответ на все вопросы, которые поставила передо мной россыпь и добытые анализы. Я

решил как можно быстрее закончить с отбором проб и завтра с утра отправиться назад, чтобы доложить Булю об открытии. Нужно было искать варианты для поискового бурения через толщу пород, чтобы подтвердить возникшую версию и ответить, наконец, на вопрос о коренном месторождении.

Я ходко добежал до дальнего шурфа и, обвязавшись веревкой для страховки, соскользнул вниз в прохладу – благо, что шурф был неглубоким – метров пять-шесть, не более.

Расположившись на дне шурфа, стал ковырять песок и складывать его лопаткой в ведро. Вдруг навалилась слабость, перед глазами побежали яркие круги, дышать стало трудно. Я потерял сознание.

Очнулся я уже наверху. На меня смотрели Усала и пес. Встревоженный взгляд обоих я принял как укоризну и, поняв, что жив, снова потерял сознание.

Усала отпаивал меня чудными отварами трав, которые собирал здесь же в тайге, добавляя свои тайные снадобья из кожаных мешочков, что-то шепча. Несколько окрепнув, я смог, опираясь на Усала, добрать до домика и лодки. Мое состояние нельзя было назвать стабильным и реальным. Приходя в сознание, я мог только попить или принять отвар и снова улетал в сумерки дремоты и пучину бессознательности. Очнувшись в очередной раз, я ощутил свежесть реки и понял, что нахожусь в лодке. На корме я увидел Усала, который поверх меня остро всматривался в стремнину реки, управляя мерно работающим мотором и лодкой.

В поселке нам помогли добраться до базы геологического отряда. Саша Неверов тут же связался с городом, вызвал санитарный борт МЧС и позвонил Булю. Я же, продолжая пускать горькую слюну, жил на грани сознания и обморока.

Последнее, что я видел, улетая на вертолете МЧС, уже с капельницей в руке, это две фигуры на краю аэродрома – большая грузная ссутулившаяся Буля и маленькая сухая – Усала. Они стояли, такие разные, но очень похожие общим – позой, в которой было ожидание и надежда.

Я, после интенсивной терапии, быстро пошел на поправку. Отравление болотным метаном, который скопился в шурфе, оказалось сильным, почти фатальным. Это крохотное «почти» было мало объяснимо с точки зрения медицинской науки, но что-то своевременно вмешалось в процесс отравления организма и защитило его от умирания.

Пока я болел, Буль развернул с помощью Саши активную деятельность и по принципу удава «заглотил-таки» своего бывшего студента, добившись от него организации буровых работ на склоне, сползшей когда-то во время землетрясения горной гряды. В результате была извлечена со склада новая компактная буровая установка поискового бурения, которую подняли на гору на лошадях по узким тропам, выделенных также отрядом, и уже к исходу лета нам передали выбуренные образцы замечательного керна жильного

кварца с крупными прожилками желтого металла. Анализ показал – наряду со спутниками в пробе очень хорошее по составу золото.

На кафедре был праздник. Буль тряс образцами керна и без конца любовался на фотографии шлифов, тискал меня в избытке чувств и бесконечно часто поминал в своих рассказах Усала, качая головой и с чувством выражая восхищение и уважение к охотнику.

А я вспомнил наш разговор с Усала на стрелке, когда задал ему, как мне казалось, провокационный вопрос о том, как он относится к нам геологам и вообще к людям, несущим, так сказать прогресс в первозданные северные края, которые безвозвратно меняются, теряя свои природные заповедные качества.

Ответ Усала как всегда озадачил меня и заставил задуматься.

«Всем нужен большой брат. Нам без большого брата не выжить. Нельзя сохраниться нам в этом мире без защиты большого брата» – так сказал старый охотник Усала.

А я тогда подумал:

– То, кто из нас большой брат понятно, но спорно, кто из нас брат старший.

Красноярск, июнь 2017 г.